

© 1998 г. С.Г. ТАТЕВОСОВ, Т.А. МАЙСАК

**КОДИРОВАНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СТАТУСА
СРЕДСТВАМИ МОРФОСИНТАКСИСА**

(на материале цахурского языка)*

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью цахурского¹ языка, составляющей предмет настоящей статьи, является наличие в нем морфосинтаксических средств, которые своим появлением в предложении существенным образом воздействуют на его видо-временные и, отчасти, модальные характеристики, но которые, тем не менее, не могут быть адекватно охарактеризованы в терминах "стандартных" глагольных категорий, таких, как время, наклонение, эвиденциальность. Данные единицы – ч а с т и ц ы - к л и т и к и *ji* и *ni* – обнаруживают дистрибуцию, характерную не столько для грамматических категорий, сколько для дискурсивных единиц: их появление в дискурсе объясняется не столько грамматическими, сколько прагматическими факторами².

ji и *ni* характеризуются:

1. относительно устойчивой дистрибуцией (имеются определенные параметры контекста, при появлении которых употребление *ni* и *ji* оказывается вероятным, и, обратно, параметры, плохо совместимые с употреблением этих частиц);
2. свободной сочетаемостью со всеми доступными видо-временными формами глагола;
3. обилием семантических эффектов, которые возникают при взаимодействии свойств *ni* и *ji* с лексическим значением глагола, находящегося в их сфере действия, и его видо-временными характеристиками;
4. способностью выполнять функцию коммуникативного выделения, перемещаясь на фокусируемую составляющую из своей "прототипической" позиции на глагольной словоформе [Кибрик (ред.) в печати];
5. способностью выступать в роли финитной вершины предложения с негла-

* Настоящая работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 95-06-17324. Данная статья основана на материалах, собранных в ходе двух лингвистических экспедиций в с. Мишлеш Рутульского района Дагестана (1995 и 1996 гг.), возглавляемых проф. А.Е. Кибриком, которому авторы выражают сердечную признательность. Мы благодарны С.В. Кодзасову, Н.Р. Добрушиной, Е.А. Лютиковой, К.И. Казенину и другим участникам Дагестанской лингвистической экспедиции за плодотворное и содержательное обсуждение данных, положенных в основу настоящей статьи. Особую благодарность хотелось бы выразить Исмаилу Мамедову, чья помощь в подготовке окончательного варианта статьи была неоценима.

¹ Согласно [Starostin, Nikolajev 1995], цахурский является одним из языков лезгинской группы восточно-северокавказских языков, к которой относятся также лезгинский, табасаранский, агульский, арчинский, будухский, крызский и рутульский языки. Носители цахурского проживают в южной и юго-западной части Дагестана и на сопредельной территории Азербайджана и насчитывают около 15 тыс. человек.

² Ср. характеристику дискурсивных единиц, предложенную в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]: дискурсивные единицы, "с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего...", а также "... выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч."

гольной предикацией [Кибрик (ред.) в печати].

Это явление, не имеющее, видимо, прямых типологических параллелей, представляет не только эмпирический, но и определенный теоретический интерес с нескольких позиций, оказавшихся в центре внимания "постмодернистской" (используя метафору П.Б. Паршина [Паршин 1996]) лингвистической рефлексии.

Отметим лишь некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к проблематике настоящей статьи. Это, в самом общем виде, позиции, связанные с идеей мотивированности языковой структуры и с фактором присутствия говорящего в языковом событии:

мотивирована ли и в какой мере языковая форма языковой функцией³, или языковым значением⁴ (Такая постановка проблемы представляется особенно важной в свете данных языков, в которых "привычные" и "естественные" с точки зрения средневропейского стандарта (СЕС) грамматические категории и оппозиции либо отсутствуют, либо имеют иную функционально-семантическую мотивацию)?

в какой степени употребление грамматических категорий зависит от коммуникативно-прагматических факторов, таких, например, как состояние знаний и намерения говорящего?⁵

каковы возможности выявления инвариантного значения языковых единиц, в частности, тех, функционирование которых связано с дискурсивными факторами? Можно ли найти некоторый "образ" языковой единицы, сохраняющийся во всех ее употреблениях и отражающий ее концептуальное содержание, и с его помощью объяснить закономерности поверхностной дистрибуции данной единицы?

как должна быть организована система семантических и/или грамматических категорий, чтобы она позволяла адекватно описывать языковые явления, чувствительные к воздействию дискурсивных факторов?

Ниже мы попытаемся показать, что частицы-клитики *ni* и *ji* кодируют состояние знаний и способ представления этих знаний в дискурсе; в настоящей статье мы будем говорить о них как о маркерах эпистемического статуса. Мы охарактеризуем семантические и прагматические свойства *ji* и *ni*, опишем условия их употребления и налагаемые контекстом ограничения. Мы также попытаемся показать, что значение и дистрибуция *ji* и *ni* поддаются обобщению в терминах инвариантных семантических характеристик, дающих ключ к пониманию их "поверхностного" поведения.

В первой части статьи приводится короткий обзор глагольной парадигмы цахурского языка, следующие две части посвящены обсуждению различных характеристик указанных частиц, в заключении формулируются некоторые обобщения и выводы.

1. ВИДО-ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ЦАХУРСКОГО ЯЗЫКА

Стандартная глагольная словоформа в цахурском языке состоит, за вычетом нескольких не слишком существенных для нашего обсуждения деталей, из

1. к о р н я, слева от которого находится
2. п р е в е р⁶ и

³ См., например, [Бондарко 1996:43-59], где обсуждается соотношение понятий "значение" и "функция".

⁴ Так, например, Дж. Байби [Вубе 1985] показывает, что морфологическая структура глагольной словоформы не является произвольной и подчиняется определенным универсальным семантическим принципам.

⁵ Многие исследователи подчеркивали действие различных прагматических факторов, определяющих выбор глагольных видо-временных форм в дискурсе, см., например, сборник [Hopper (ed.) 1982].

⁶ Наличие превербов характерно для многих дагестанских языков; так, в даргинском, например, имеются превербы, выражающие различные пространственные отношения. Семантика цахурских превербов в общем случае не поддается экспликации, что объясняется, по-видимому, высокой степенью их лексикализации.

3. позиция для согласуемого классного показателя⁷, а справа –

4. тематический гласный, определяющий видовую принадлежность основы и, факультативно,

5. детерминант, который представляет собой один из плавных согласных *r, l* или *n*, а также

6. позиция для показателя потенциалиса (о нем см. ниже)⁸.

Ср., например, форму глагола 'начинать':

gi =	w =	R-	a-	l-	as
преверб	согласуемый	корень	тематический	детерминант	показатель
	классный		гласный		потенциалиса
	показатель				

Охарактеризуем кратко формальное устройство глагольной парадигмы в индикативе и ее "семантическое наполнение", тó, каким образом определенные противопоставления в понятийном континууме конвенционализированы в грамматических оппозициях цахурского языка.

В системе цахурского глагола первичным парадигмообразующим фактором является оппозиция трех исходных основ – совершенного вида (PFV), несовершенного вида (IPFV) и потенциалиса (PT).

Видовая оппозиция⁹, реализуемая основами PFV:IPFV осмыслена исключительно для референтных ситуаций в прошлом и настоящем. Формы потенциалиса описывают достаточно широкий класс нереперентных ситуаций, включающий в себя, в частности, ситуации в будущем и гипотетические (т.е. с неопределенным для говорящего истинностным значением) ситуации в прошлом и настоящем. Доминирующим свойством потенциалиса является, таким образом, его гипотетическая модальность; видовая характеристика потенциалиса содержит признаки как совершенного, так и несовершенного видов.

В самом общем виде семантические характеристики основ можно представить следующим образом:

О с н о в а P F V: ситуация вводится в рассмотрение как целостная, лишенная внутренней темпоральной структуры, достигшая конечного состояния, прототипически связанная с прошедшим временем¹⁰.

О с н о в а I P F V: ситуация вводится в рассмотрение как состоящая из отдельных идентифицируемых фаз и проходящая в релевантный момент времени одну из этих фаз, т.е. как длительная, развивающаяся, обладающая внутренней структурой;

О с н о в а P T: ситуация вводится в рассмотрение как принадлежащая не актуальному, а возможному миру. Основа PT прототипически связана с временной референцией к будущему.

⁷ Согласование глагола происходит по 4 классам существительных. Имеется два ряда классно-числовых показателей, представленных в таблице. Выбор ряда классного показателя, заполняющего соответствующую позицию в глагольной словоформе, определяется словарно.

1	-r-	-ʃ-
2	-r-	-j-
3	-b-	-w-
4	-d-	-ʃ-

Согласуемые классные показатели

⁸ Подробно формальная морфология цахурского глагола описывается в [Кибрик (ред.) в печати].

⁹ Морфологически видовая оппозиция обеспечивается тем, что выбор тематического гласного и тип огласовки преверба полностью мотивирован видовой принадлежностью основы: PFV соответствуют тематические гласные *-i* и *-i*, IPFV – соответственно *-a* и *-e*. Вид различается на всем множестве глагольных лексем за вычетом небольшой группы стативных глаголов.

¹⁰ Ср. классические описания видовых значений, предложенные Б. Комри [Comrie 1976:16-40].

Аналитические формы глагола *aqas* 'открывать'

	связка <i>wo=d</i>	<i>ixes</i> (PFV) <i>ixa</i>	<i>ixes</i> (IPFV) <i>ejxe</i>	<i>ixes</i> (PT) <i>ixes</i>
основа PFV <i>aqi</i>	Перфект <i>aqi-wo=d</i>	Плюсквампер. <i>aqi ixa</i>	<i>aqi ejxe</i>	Потенциалис СВ <i>aqi ixes</i>
основа IPFV <i>aqa</i>	Дуратив <i>aqa-wo=d</i>	Имперфект <i>aqa ixa</i>	<i>aqa ejxe</i>	Потенциалис НСВ <i>aqa ixes</i>
основа PT <i>aqas</i>	<i>aqas-o=d</i>	<i>aqas ixa</i>	<i>aqas ejxe</i>	<i>aqas ixes</i>

Парадигма финитных синтетических форм индикатива (без учета классно-числовых форм) состоит из трех единиц, а именно из аориста, презенса и потенциалиса, совпадающих с основами совершенного и несовершенного видов и основой потенциалиса соответственно. Эти формы манифестируют семантические характеристики основ "в чистом виде", не принося в них никакой другой категориальной информации:

(1)	<i>malhalmmad</i>
Магомед
<i>Магомед умер.</i>	<i>qik'-u</i>
умирать-PFV ¹¹	Аорист
(2)	<i>malhalmmad</i>
Магомед
<i>Магомед умирает.</i>	<i>qek'-a</i>
умирать-IPFV	Презенс
(3)	<i>malhalmmad</i>
Магомед
<i>Магомед умрет.</i>	<i>qik'-as</i>
умирать-PT	Потенциалис

Аналитические формы образуются от каждой из трех основ при помощи одного из служебных элементов. Основными служебными элементами в системе цахурского глагола являются:

- связка *wo=d*¹² 'быть';
- вспомогательный глагол *ixes* 'быть, стать' в каждой из трех его форм – *ixa* (PFV), *ejxe* (IPFV), *ixes* (PT).

В таблице 1 представлены аналитические формы глагола *aqas* 'открывать'¹³.

Значение форм, представленных в таблице 1, в целом выводимо из значения основы и категориальной информации, кодируемой служебным элементом. Основная функция последнего заключается в фиксации референциальных характеристик описываемой ситуации, в частности темпоральных координат, относительно которых ситуация вводится в рассмотрение. В самом общем виде служебным элементам можно приписать следующие инвариантные значения:

¹¹ Здесь и далее в подстрочном поморфемном переводе использованы следующие сокращения: А атрибутив; AD локализация 'ад'; AFF аффектив; ALL аллатив; ASS ассоциативная частица; AUX вспомогательный глагол; COND условное наклонение; CONT локализация 'конт'; COP глагол-связка; DAT датив; EL элатив; EMPH эмфатическая частица; ERG эргатив; ESS эссив; HAB хабитуалис; IMP императив; IN локализация 'ин'; IPFV несовершенный вид; NEG отрицание; OBL косвенность; PFV совершенный вид; PL множественное число; POSS посессив; PT потенциалис; Q вопросительная частица; SUP локализация 'супер'. В приводимых примерах дефис используется для морфемного членения, знак равенства отделяет согласуемые классно-числовые показатели, точка ставится в случае совмещенного выражения грамматических и/или лексических значений.

¹² Здесь и далее связка представлена в форме с показателем 4 класса *-d*.

¹³ Мы не приводим примеров употребления представленных в таблице форм; примеры и обсуждение их характеристик можно найти в [Кибрик (ред.) в печати].

связка $wo=d$ сигнализирует о том, что описываемая ситуация синхронна моменту речи,

вспомогательный глагол ixa указывает, что описываемая ситуация отнесена в прошлое,

вспомогательный глагол $ixes$ кодирует гипотетический статус описываемой ситуации¹⁴

Несмотря на отсутствие формальных запретов на сочетаемость основ смыслового и вспомогательного глаголов, в множестве форм, представленных выше, явственно выделяется "ядро", которое составляют формы, кодирующие наиболее "существенные" видо-временные значения, и периферия¹⁵ К ядру цахурской парадигмы относятся

- 1 все синтетические формы (аорист, презенс, потенциалис)
- 2 перфект и дуратив (аналитические формы с $wo = d$)
- 3 плюсквамперфект и имперфект (аналитические формы с ixa)
- 4 потенциалис совершенного вида и потенциалис несовершенного вида (аналитические формы с $ixes$)

Дальнейшее обсуждение будет посвящено свойствам частиц-клитик ji и ni и, в частности, тому, как последние взаимодействуют с основными глагольными категориями, кратко охарактеризованными выше Основная проблема здесь состоит в том, что дискурсивная природа ji и ni "затемнена" целым рядом факторов, наиболее существенным из которых является сходство их функционирования с такими служебными элементами глагольной парадигмы, как связка $wo=d$ и вспомогательный глагол $ixes$ Так, ji и ni , как $wo=d$ и $ixes$, прототипически располагаются на глагольной словоформе и, кроме того, обладают способностью перемещаться на фокусируемую составляющую при наличии коммуникативного выделения ГХ Ибрагимов ([Ибрагимов 1990 § 89]) рассматривает частицы ni и ji наряду с другими видо-временными показателями формы, образованные при помощи ni , обозначены (в зависимости от типа основы смыслового глагола) как "настоящее/прошедшее/будущее историческое" Формы, образованные при помощи ji , названы "настоящее историческое 3" (в сочетании со связкой $wo=d$) и "настоящее/прошедшее неопределенное" (в сочетании с основами несовершенного и совершенного видов соответственно) Кроме того, автор отмечает, что "в сочетании с глаголами эти элементы создают оппозицию личного спряжения" ([Ибрагимов 1990:138]), в которой ni оказывается связанной с 1-ым, а ji – со 2 и 3 лицом Однако дистрибуция ni и ji оказывается непредсказуемой если, как предлагает ГХ Ибрагимов, пытаться рассматривать ее с точки зрения стандартных" грамматических категорий¹⁶

2. СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ ЧАСТИЦЫ ni

2.1 ni как маркер прошедшего времени

О Гулыга [Гулыга 1973 75] указывает, что "частица ni играет значительную роль при перенесении плана действия в прошедшее" На первый взгляд, ni действительно можно охарактеризовать как показатель граммы прошедшего времени В част-

¹⁴ Функционирование вспомогательного глагола $euxe$ наименее конвенционализировано Возможно это объясняется тем, что та семантическая ниша, где $euxe$ могла бы использоваться как форма настоящего времени, заполнена связкой $wo = d$, формы с $euxe$ в результате оказались вытесненными на периферию

¹⁵ Для характеристики степени ядерности глагольных форм применимы по меньшей мере три критерия частотность формы, ограничения на сочетаемость с глагольными основами предсказуемость значения (см в частности, [Вубе 1985]) Подробное рассмотрение этих критериев применительно к цахурским глагольным формам см [Кибрик (ред) в печати]

¹⁶ В отличие от ji и ni , адекватная характеристика $wo=d$ и $ixes$ может быть сформулирована в терминах грамматических категорий времени и наклонения Подробное обсуждение см [Кибрик (ред) в печати]

ности, сопоставив (4) с формой дуратива глагола *all,ha s* 'идти' и (5), в котором эта же форма встречается в контексте *ni*, можно заметить, что данные предложения отличаются именно темпоральной референцией – в первом случае к настоящему, во втором – к прошлому

- (4) **К(онтекст):** X Как там в Чечне, что слышно? Y Плохо,

d,alwʔa wo=b=na all,ha
 война COP=3=A идти IPFV
война идет

- (5) К Это было давно

ma-ni waXt-a-l, d,alwʔa-ni wo=b=na all,ha
 этот-A OBL время-OBL-SUP ESS война-NI COP=3=A идти IPFV
В то время шла война

Сходство *ni* с маркером граммы прошедшего времени еще более усиливается, если учесть, что (5) практически синонимично (6) с формой имперфекта, состоящей из основы несовершенного вида и вспомогательного глагола *ixa* (функция последнего состоит как раз в том, чтобы устанавливать временную референцию к прошлому)

- (6) К Когда я приехал в Чечню, там

d,alwʔa all,ha ixa
 война идти IPFV AUX PFV
шла война

Ср также (7) с потенциалисом в исходном употреблении и (8) с потенциалисом в контексте *ni*, где второе вновь демонстрирует сдвиг временной референции в прошлое по сравнению с первым

- (7) soʒ-e kaRɪz ok an-as-in
 брат-ERG письмо писать-PT-A
Брат напишет (мне) письмо

- (8) soʒ-e kaRɪz-di¹⁷ ok'an-as-in
 брат-ERG письмо-NI писать-PT-A
Брат собирался написать (мне) письмо

Против характеристики *ni* как маркера граммы прошедшего времени можно выдвинуть, однако, существенные возражения

Действительно, появление *ni* в предложении сигнализирует о том, что рассматриваемая пропозиция соотносена с планом прошлого. отсылка к прошлому является необходимым условием употребления *ni* Обратное, однако, неверно отнесение ситуации к плану прошлого не является достаточным условием появления *ni* Рассмотрим (9)-(17), которые, наряду с (5), образуют короткий повествовательный текст

- (9) insan a -ʃi-n jiʃa jis daRam=da-ni wo=d=un
 человек-PL-OBL-A жизнь трудно=4-NI COP=4=A
Людям жилось тяжело

- (10) zɪ Xɪw-e-ni jeʃemiʃexe
 я селение-IN ESS-NI жить IPFV
Я жил в селении

- (11) В тысяча девятьсот сорок четвертом году

¹⁷ *di* выступает как алломорф *ni* после сибилантов

- zi Xiw-e:-nče šalha:r-e:-qa kočmišxa(^{ok}-ni)
я селение-IN-EL город-IN-ALL переезжать.PFV-NI
я переехал из селения в город
- (12) ma-ʔa=r zi zawod-il-j-qa iš-e:-qa ič'-u([?]-ni)
этот-внутри=1 я завод-IN-ALL работа-IN-ALL входить-PFV(-NI)
Там я устроился работать на завод
- (13) завод-u-n djalwʔa-j-s jaraX-ni: wo=d=un Geḱ-a
завод-OBL-ERG война-OBL-DAT оружие-NI COP=4=A выпускать-IPFV
Завод выпускал оружие для фронта
- (14) sa jaql-e: mič'al=d zi Xiw-e:-nče kaRiz alja.t'-u(*-ni)
один раз-IN.ESS утром=4 я.ERG селение-IN-EL письмо получать-PFV-NI
Однажды утром я получил письмо из селения
- (15) zi alwquna Xiw-e:-qa-ji qojt'al(*-ni)
я позади селение-IN-ALL-JI звать. IPFV-NI
Меня звали обратно в селение
- (16) sa ollʒum-u-l-e: zi-na=r a=r=k'in-na(*-ni)
один неделя-OBL-SUP-EL я-ADD=1= уходить.1.PFV-A-NI
И вот через неделю я уехал
- (17) С тех пор
zi šalha:r-e:-qa sak'-i deš(*-di)
я город-IN-ALL возвращаться-PFV NEG-NI
я больше не возвращался в город

Во всей последовательности временным планом повествования является прошлое, однако *ni* употреблено только в предложениях (9), (10) и (13); (11) при добавлении *ni* наши информанты оценили как вполне приемлемое; (12) – как возможное, но неудачное, и наконец в (14)–(17) употребление *ni* было квалифицировано как неприемлемое.

Между тем, существенным свойством любой (словоизменяемой) грамматической категории является ее обязательность. Так, если в языке имеется словоизменяемая категория времени, то любой глагол этого языка должен быть маркирован некоторым значением этой категории каждый раз, когда он появляется в финитном предложении. Если предположить, что *ni* является маркером одного из значений ("граммем") категории времени, а именно, граммеме прошедшего времени, то требование обязательности, как показывают (9)–(17), не выполняется.

Можно предположить, что употребление *ni* для выражения прошедшего времени ограничено формами несовершенного вида и стативными глаголами [(5), (9), (10), (12)]. В (11), однако, *ni* может употребляться в контексте Аориста, который вводит в рассмотрение только ситуации в прошлом и, соответственно, обладает собственной временной характеристикой; употребление *ni* в таком случае оказывается необъяснимо избыточным.

Таким образом, хотя семантически *ni* совместима только с описанием ситуаций в прошлом, если считать данную частицу маркером грамматической категории времени, ее дистрибуция оказывается непредсказуемой. Семантическая характеристика *ni*, увязывающая ее с прошлым, оказывается релевантной, но недостаточной¹⁸.

2.2. *ni* как маркер ретроспективной точки отсчета

¹⁸ Еще одно возможное решение – считать *ni* показателем "квазиграммы", подобной например, "квазиграмме" множественного числа в некоторых тюркских языках. В отличие, однако, от тюркских языков, где употребление показателей множественного числа имеет достаточно прозрачную мотивацию – референциальный статус именной группы, условия употребления цахурского *ni* не делаются более понятными, если приписать ей статус квазиграммы, и это решение, таким образом, оказывается достаточно бессодержательным.

Существенным общим свойством всех высказываний с *ni* является ограничение на точку отсчета (ТО)¹⁹: высказывания с *ni* возможны только при наличии ретроспективной ТО, совпадающей с моментом речи. Появление синхронной ТО в прошлом влечет неприемлемость *ni*.

Рассмотрим (18)–(19):

(18)...	gojne	za-k'le	Ga=w=ʒe-na	sa	sjo.	sjo
	потом	я.OBL-AFF	3=видеть. PFV-A	один	медведь	медведь
	w=uxa-na	Xe=b=na				
	3=AUX.PFV-A	большой=3-A				
... потом я увидел медведя. Медведь был большой.						
(19)...	gojne	za-k'le	Ga=w=ʒe-na	sa	sjo.	*sjo
	потом	я.OBL-AFF	3=видеть.PFV-A	один	медведь	медведь
		(wo=b)-ni: ²⁰	Xe=b=na.			
		COP=3-NI	большой=3-A			
...потом я увидел медведя. Медведь был большой.						

В (18)–(19) описываемая ситуация ("Медведь был большой") "встроена" в нарративную последовательность. Характеристическим свойством нарративов является нарративный режим интерпретации (см., например, [Падучева 1996:258–285]), главная особенность которого – нерелевантность координат речевого акта для интерпретации дейктических элементов высказывания. В частности, темпоральные характеристики описываемых в нарративе ситуаций интерпретируются не относительно момента речи, а относительно текущего текстового времени нарратива: временная позиция наблюдателя (=точка отсчета) продвигается по временной оси по мере развертывания последовательности событий. Соответственно, описываемая ситуация ("Медведь был большой") в (18)–(19) "наблюдается" не из координат речевого акта, а из текущей временной позиции повествователя, локализованной внутри нарратива. ТО, таким образом, оказывается не ретроспективной, а синхронной, и в этом случае употребление *ni*, как показывает (19), является по меньшей мере сомнительным. Вспомогательный глагол *ixa* в (18), в отличие от *ni*, совместим с любой ТО и свободно употребляется в данном контексте.

ni, таким образом, может быть охарактеризована как маркер ретроспективной ТО: появление *ni* в высказывании сигнализирует о том, что описываемая ситуация рассматривается ретроспективно, из *hic et nunc* говорящего. В пользу такой характеристики *ni* можно привести еще два аргумента.

Во-первых, *ni* вполне определенным образом воздействует на интерпретацию

¹⁹ Здесь и далее мы пользуемся стандартной терминологией, впервые предложенной Г. Рейхенбахом [Reichenbach 1947, глава 'The tenses of verbs'], который различает три точки на временной оси, релевантные для выбора той или иной видо-временной формы глагола. Первая из них, момент события (point of event, E) – момент, когда описываемое событие произошло, второй – момент речи (point of speech, S) – момент, когда произносится описываемое событие высказывание, третий – точка отсчета (point of reference, R) – точка, задающая систему временных координат, относительно которой говорящий вводит описываемую ситуацию в рассмотрение. Так, например, в предложении *When I came Mohammed had (already) gone* моментом события является момент, когда ушел Магомед, а точкой отсчета – момент, вводимый временным придаточным, т.е. момент, когда пришел говорящий. Е.В. Падучева [Падучева 1996] предложила содержательно интерпретировать "точку отсчета" как временную позицию наблюдателя. Ср. также понятие "момента наблюдения", используемое М.Я. Гловинской [Гловинская 1982:128]. Точка отсчета может совпадать, либо не совпадать с моментом события; в первом случае говорят о синхронной точке (R=E) отсчета, во втором – о ретроспективной (R>E) (см., например, [Падучева 1996:12]). В зависимости от того, как соотносятся R и S, можно говорить о точке отсчета в настоящем (R=S) и точке отсчета в прошлом (R<S).

²⁰ В предложениях с неглагольной предикацией *ni* допустимо как в контексте связки *wo=d*, так и в самостоятельном употреблении.

дейктических переменных Ср например, интерпретацию придаточных предложений в (20)–(21)

- (20) K B Ты, я знаю, ездил к брату Он пишет хоть иногда вашей сестре? O Когда как
 zı qal-es-se çoğ-e q lo-lle kaRız o=t=k un
 я приходить-PT-до брат-ERG два-CARD письмо 4=писать PFV
 1 *Прежде, чем я приехал (назад), брат два письма написал (а как часто он теперь пишет – сложно сказать)*
 2 *Прежде чем я приехал (к нему), брат два письма написал (и я велел ему писать почаще)*
- (21) K =(20)
 zı qal-es-se çoğ-e q lo-lle kaRız o=t=k un-nı
 я приходить-PT-до брат-ERG два-CARD письмо 4=писать PFV-NI
 1 *Прежде чем я приехал (назад) брат два письма написал*
 2 *”Прежде чем я приехал (к нему) брат два письма написал*

В данных предложениях временное придаточное содержит незаполненную валентность на актант, обозначающий конечный пункт путешествия и две потенциальные возможности интерпретации этой позиции. Если (20) с аористом допускает обе возможности – ‘место, где живет брат говорящего’ и ‘место, где находится говорящий в момент произнесения высказывания’, то для (21) с аористом в контексте *ni* явно более предпочтительной оказывается вторая возможность. Данный факт указывает на то, что *ni* обладает весьма высокой потенцией “привязывать” интерпретацию дейктических элементов к координатам речевого акта, косвенным образом это свидетельствует о том, что для интерпретации такой дейктической категории, как время, соответствующая “привязка” также является необходимой.

Во-вторых, в значительном числе контекстов высказывания с *ni* обнаруживают семантический эффект, аналогичный тому, который отмечен, в частности, у общефактических значений русского несовершенного вида и английской хабитуальной конструкции *used to*. Ср (22)–(23)

- (22) awu=d Xe=d=ın dırak-nı wo=d-un
 внизу=4 большой=4=A столб-NI COP=4-A
Внизу большой столб был (⇒ а сейчас его нет vs ? ⇒ и сейчас там стоит)
- (23) malhammad-e sa s₁alʔat-na aka aq-a-nı
 Магомед-ERG один час-A дверь открывать-IPFV-NI
Магомед в течение часа дверь открывал (⇒ так и не открыл vs ? ⇒ и наконец открыл)

(22) предполагает, что в момент речи столб в указанном месте уже не находился. Аналогично, для (23) наиболее естественная интерпретация предполагает, что конечное состояние описываемой ситуации (“Дверь открыта”) не наступило.

Б Комри [Comrie 1985 41–42], анализируя английские конструкции типа *He used to live in London*, отметил, что компонент значения “в момент речи ситуация не имеет места” возникает у таких конструкций как прагматическая импликатура, выводимая из постулата релевантности Грайса [Grice 1975]²¹. Е В Падучева [Падучева 1996 19], предлагая толкования общефактических значений русского НСВ, сформулировала условие возникновения такой импликатуры: чтобы предложение типа *На стене висела*

²¹ Действительно если бы пропозиция *Он живет в Лондоне* была истинна в момент речи, более релевантным оказалось бы употребление формы настоящего времени. Тот факт, что говорящий предпочел форму прошедшего времени заставляет слушающего сделать вывод о том, что ситуация перестала иметь место.

картина предполагало нерелевантность описываемой ситуации для момента речи, необходимо наличие именно ретроспективной ТО. Поскольку действие постулата релевантности не зависит от частно-языковых факторов (например, от семантики русского несовершенного вида), регулярное появление этого эффекта в контексте *ni* в цахурском можно расценивать как свидетельство, подтверждающее тенденцию к порождению ретроспективной ТО при наличии *ni*.

Характеристика *ni* как маркера ретроспективной ТО позволяет объяснить ограничения на употребление *ni* в нарративном дискурсе. Действительно, нарративный режим отражает неканоническую речевую ситуацию, при которой ситуация коммуникации оказывается нерелевантной для интерпретации высказывания, а полноценный говорящий отсутствует, *ni*, напротив, заставляет высказывание интерпретироваться относительно "здесь и сейчас" говорящего, условием употребления для *ni* является именно ретроспективный "взгляд" на описываемую ситуацию, и, тем самым, режим интерпретации высказываний с *ni* может быть только речевым, но не нарративным.

По этой причине возможности появления *ni* ограничены теми фрагментами нарративного дискурса, которые находятся за пределами собственно нарративной последовательности, а составляют блок пояснительной и фоновой информации (завязка, ориентация, исторический фон и т.д.²²), которая соотносит координаты нарратива с текущей коммуникативной ситуацией и, соответственно, не исключает, а часто даже навязывает ретроспективную ТО. Рассмотрим, например, (24)

- (24) К Давно когда мне было двенадцать лет, мы с друзьями поехали в город Ехали мы долго часто останавливались
 ma-ni waXt-a-l, jaql-bt pis-da-ni ,
 этот-А OBL время-OBL-SUP ESS дорога-PL плохой-NPL-NI
 ek=da-ek=da qod-a
 часто=NPL отрываться-IPFV
 maXal-bt-ni
 обвал-PL-NI

В то время дороги были плохие, часто происходили обвалы

В (24) описываемая ситуация ("Дороги были плохие, часто происходили обвалы") локализована не внутри нарративной последовательности и не является ее составной частью, напротив, при помощи (24) рассказчик предоставляет слушающему информацию, являющуюся "историческим фоном" нарратива, определенным образом сопоставляя этот фон ("в то время") и текущее положение дел ("сейчас"). Соответственно, (24) интерпретируется в речевом режиме, а обстоятельство *mani waXtal*, эксплицитно сигнализирует о наличии ретроспективной ТО.

Ср также (25), в котором в короткую нарративную последовательность ('Привезли кукурузу в Лучек, себе одну тонну пшеницы взял, пятьсот кило кукурузы, с ними также триста кило риса ') помещены три фоновые пропозиции ('Дорог досюда не было, света не было' и 'Тогда трудодни были'), интерпретируемые в речевом режиме. Дейктические наречия *in-a-qa-ma* 'здесь' и *manke* 'тогда' вновь, как *mani waXtal*, в (24) явно указывают на пространственные и временные координаты ситуации коммуникации, относительно которых данный фон вводится в рассмотрение.

- (25) К Г рассказывает о жизни в колхозе в 50-е годы В 1959 году я взял из колхоза кукурузу
 qa=b-t woček-qa, h1=p=x1r, jaql in-a-qa-ma
 3=привезти-PFV Лучек-ALL 3=довезти PFV дорога здесь-ALL-LIMIT
 deš-di, iš1R-b1=d deš-di, za-s sa ton
 NEG-NI свет-PL=ASS.NPL NEG-NI я OBL-DAT одна тонна

²² Имеются различные терминологические возможности для описания элементов структуры нарратива. Здесь и далее мы используем некоторые термины, предложенные в [Labov 1977]. См также [Fleischman 1991: 75–141], где обсуждаются особенности функционирования видо-временных форм глагола в нарративном дискурсе.

suk-u-n-u=d	ala t-u,	xo=d	walš	kilo=d	qarRudali-n,
пшеница-OBL-A-ASS=4	взять-PFV	пять=4	сто	кило=ASS 4	кукуруза-A
či-k-a=d	xeb=d	walš	kilo=d	bitinz-t-n	bit ala?-u
REFL OBL N-COMIT=ASS 4	три=4	сто	кило=ASS 4	рис-OBL-A	раздать-PFV
ša-s	emekgun-u-s,	manke	emekgun-ni	wo=d=un	
мы OBL-DAT	трудодень-OBL-DAT	тогда	трудодень.4-NI	быть=4=A	

Привезли (кукурузу) в Лучек, дошли, дороги досюда не было, света не было, себе одну тонну пшеницы взял, пятьсот кило кукурузы, с ними также триста кило риса раздали нам за трудодни, тогда трудодни были.

Возвращаясь к (5), (9)–(17), с которых мы начали обсуждение ограничений на дистрибуцию *ni*, нетрудно заметить, что *ni* оказывается приемлемым именно в фоновых и ориентирующих фрагментах этого текста, в частности, в (5), (9)–(10) и (13), задающих исторический фон повествования ("В то время шла война", "Я жил в деревне", "Завод выпускал оружие для фронта") В предложениях (11)–(12), (14), (16), составляющих основную линию нарратива, *ni* допустима только в первом из них ("В 1944 году я переехал из деревни в город"), что вполне согласуется с обсуждавшимся раличными исследователями особым статусом первого предложения нарративной последовательности (ср., например, [Dahl 1985 114]) В остальных трех предложениях, образующих основную линию нарратива, *ni* является более или менее аномальным. Заметим, что (15) ("Меня звали обратно"), хотя и не является элементом основной линии, также обнаруживает запрет на употребление *ni*. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, локализованной внутри нарратива и представляющей собой внутренний фон повествования "переключения" ТО с синхронной на ретроспективную при этом не происходит

2.3 *ni*, фактивность и эпистемический статус

Характеристика *ni* как маркера ретроспективной ТО, однако, вновь оказывается недостаточной. Следующим существенным свойством высказываний с *ni*, невыводимым ни из значения прошедшего времени, ни из дискурсивных свойств, связанных с ретроспективной ТО, является фактивность их пропозиционального содержания и связанная с этим несовместимость *ni* с некоторыми эпистемическими модальностями, в частности, с модальностью проблематической достоверности²³

(26) демонстрирует неприемлемость *ni* в контексте проблематической достоверности

(26) К В Чем твой брат вчера занимался? О

*jaɣab-i=d čoʒ-e kaRiz diš-dj-aXa-n

вряд ли-ASS=4 брат-ERG письмо NEG-NEG-мочь-A

ojk 'an-ni/o=i=k'un-ni/ok'al-as-di

писать IPFV-NI/4=писать PFV-NI/писать-PT-NI

Наверное, брат письмо писал/написал/собирался писать

Интересный семантический эффект возникает у форм потенциалиса в контексте *ni*. В исходном употреблении потенциалис описывает ситуации с временной референцией к будущему. Временная референция к прошлому допустима, если предполагается истинность пропозиции не в актуальном, а в возможном мире. Общим свойством высказываний с потенциалисом является нереферентность обозначаемых ими ситуаций в актуальном мире и, тем самым, отсутствие фактивности у их пропозиций. Ср. (27), в котором потенциалис описывает гипотезу говорящего относительно ситуации в прошлом или будущем

²³ См. например, [ТФГ 1991 157–170], где обсуждаются семантические и прагматические характеристики семантического поля достоверности а также некоторая литература по этому вопросу

- (27) K₁ X Как ты думаешь, как Магомед потратит деньги, полученные от отца? Y
 K₂ X Как ты думаешь, как Магомед потратил деньги, полученные от отца? Y
 wuʒ-e ič-i-s padarka ališ-es
 он-ERG девушка-OBL-DAT подарок покупать-PT
 1 Он(, предполагаю) купит подарок девушке
 2 Он(, предполагаю,) купил подарок девушке

Две возможные интерпретации (27) объединяет их предиктивные²⁴ характер в обоих случаях говорящий формулирует гипотезу относительно наличия описываемой ситуации, темпоральная локализация которой может осмысливаться в зависимости от предшествующего контекста по-разному

В контексте *ni* потенциалис демонстрирует совершенно иное поведение Ср (28)

- (28) wuʒ-e ič-i-s padarka ališ-es-di
 он-ERG девушка-OBL-DAT подарок покупать-PT-NI
 1 Он собирался купить подарок девушке
 2 Он должен был купить подарок девушке
 *Он(, предполагаю,) купит/купил подарок девушке

Как и все высказывания с *ni*, (28) описывает ситуацию в прошлом, временная референция к будущему, возможная в (27 1), в данном случае оказывается недоступной. Недоступной оказывается также "гипотетическая" интерпретация с временной референцией к прошлому, аналогичная (27 2). В одной из двух допустимых интерпретаций потенциалис в (28) приобретает интенциональное прочтение, указывая скорее на намерения брата относительно описываемой ситуации, чем на какую-либо гипотезу говорящего. Другая возможная интерпретация предполагает наличие в прошлом модальности долженствования, связывающей пропозицию данного высказывания

Этот эффект, как представляется, является как раз следствием ограничения на фактивность пропозиции, находящейся в СД *ni*. Действительно, если *ni* предполагает фактивность, а потенциалис, напротив, – ее отсутствие, то этот конфликт может разрешиться единственным образом – требование фактивности переносится с собственно описываемой ситуации на положение дел, способствующее ее осуществлению. Высказывания с потенциалисом в контексте *ni* можно, таким образом, представить как утверждение вида "Верно, что в прошлом имело место положение дел, следствием которого могла/должна была стать описываемая ситуация". Собственно "положение дел" при этом может быть истолковано либо как намерение агенса осуществить ситуацию, либо как наличие некоторых обстоятельств, обязывающих его к этому.

Еще одно ограничение на фактивность обнаруживается в том, что *ni* сомнительно, если пропозиция, находящаяся в сфере ее действия, представляет собой мнение, логическое умозаключение и т.д. В высказываниях с *ni* утверждается "объективная", независимая от установки говорящего истинность пропозиции. Ср, например, (29) при условиях K₁ vs K₂.

- (29) K₁ Беседа о жизни чабанов В В прошлом хорошо ли жили? О
 "K₂ Мы-то думали, что при коммунистах плохо было. А теперь я смотрю на то, что кругом творится, и понимаю
 jišej=ba ge=b uftan=ba-ni dolamiš-e =ba=xε
 старый=HPL очень=HPL красивый=HPL-NI HPL=жить IPFV
 В прошлом очень красиво жили

²⁴ Предиктивность – семантическая характеристика связанная с употреблением главным образом будущего времени – описывает последнее в терминах наличия/отсутствия в момент речи или в точке отсчета условия предопределяющих возникновение последующей ситуации а также наличия/отсутствия намерений говорящего или агенса способствовать этому, см, например, [Comrie 1976 64–65] и [Dahl 1985 110–112]

Данные примеры показывают, что свойства пропозиций, находящихся в СД *ni*, существенно напоминают свойства пропозиций, являющихся компонентами эпистемических предикатов пропозициональной установки в русском языке (см., например, [Зализняк 1988]) Ограничение на фактивность в (26)–(28) позволяет предположить, что пропозиции, представленные в этих примерах, являются предметом знания говорящего Тем самым, один из компонентов семантики *ni* относится к области р а м о ч н ы х з н а ч е н и й: если пропозиция *p* входит в сферу действия *ni*, это означает, что она "вставлена" в рамку вида "Г сообщает, что он знает, что в прошлом имела место *p*".

Предположив, что источником фактивности высказываний с *ni* является указание на эпистемический статус соответствующей пропозиции, мы получаем возможность предложить объяснение приемлемости (30) и сомнительности (31)

- (30) К₁ Знаешь, что со мной вчера/только что случилось?
 К₂ Я тебе расскажу, что со мной однажды случилось, когда я был ребенком
 К₃ Знаешь, что случилось вчера с моим братом? Я это видел сам
 К₄ Давным-давно, когда я еще не родился на свет, с моим дедушкой случилась вот такая история²⁵
 z₁/s₁/mana ikaŋ-/l=w=ɪ kaŋ-ni ʕ'alag-e
 я/мы/он ходить IPFV-/HPL=ходить IPFV-NI лес-IN ESS
 Я/мы/он гулял(и) в лесу

- (31) К Знаешь, что случилось с моим братом? Он мне сам об этом рассказал
 ʔcoʒ i kaŋ-ni ʕ'alag-e
 брат ходить IPFV-NI лес-IN ESS
 Брат гулял в лесу

Действительно, статус знания, приписываемый пропозициям, находящимся в сфере действия *ni*, сказывается не только в фактивности – она имеет место и в (30), и в (31). *ni* указывает также на эпистемическое обязательство говорящего, на то, что он сам и его знания являются гарантом истинности утверждаемой пропозиции Любая эксплицитная отсылка к внешнему по отношению к говорящему источнику информации означает, что "ответственность", по крайней мере частично, возлагается на этот источник, и это заметно сказывается на приемлемости *ni* в (31).

ni, таким образом, функционирует как маркер эпистемического статуса, эксплицитно указывающий на то, что описываемая ситуация является частью фонда знаний говорящего

2.4 *ni* возможности инвариантной интерпретации

Наконец последняя, и наиболее "непредсказуемая" характеристика высказываний с *ni*, вновь невыводимая из трех предыдущих, иллюстрируется примерами (32)–(33)

- (32) К Х и Y встречаются на улице, здороваются X
 halb₁ s₁alʔa=b z₁ balkan a=w=qa q-a-ni
 этот час=3 я ERG лошадь 3=ловить-IPFV-NI
 Сейчас я лошадь ловил (далее следует рассказ о том, как лошадь убежала и где Г ее нашел)
- (33) К Жена выходит из кухни и говорит мужу
 ʔ₁ z₁ halb₁ s₁alʔa=b qo ʒ-u=ni fatiŋ
 я ERG этот час=3 печь-PFV-NI пирог
 Я сейчас испекла пирог (так что скоро подам обед)

²⁵ К₄, в частности, указывает на то, что употребление *ni* не связано с личной засвидетельствованностью говорящим описываемой ситуации Источник знания о ситуации для высказываний с *ni* нерелевантен важен лишь факт наличия этих знаний

Различие между контекстами (32) и (33) достаточно сложно обобщить в терминах обсуждавшихся выше семантических и прагматических характеристик: темпоральной референции, точки отсчета, фактивности пропозиции

Как представляется, возможным объяснением приемлемости (32) и сомнительности (33) может служить идея о прагматической включенности описываемой ситуации в ситуацию коммуникации. Действительно, если коммуникативный контекст (33) и описываемая ситуация ("Я сейчас испекла пирог") естественным образом осмысливаются как тесно и непосредственно прагматически связанные, то в (32) описываемая ситуация ("Я ловил лошадь") представляет собой факт, представленный в сознании говорящего вне всякой связи с ситуацией коммуникации

Если принять эту гипотезу к рассмотрению, то это позволяет, далее, предположить, что основное концептуальное содержание *ni* составляет достаточно абстрактная идея дистанции между "текущим миром" говорящего и миром фактов²⁶, составляющих фонд его знания. *ni*, появляясь в дискурсе, сигнализирует о том, что ситуация, описываемая пропозицией, находящейся в сфере ее действия, относится не к текущему миру говорящего, а, скорее, к миру его знаний о фактах, когда-либо имевших место. При помощи *ni* носитель цахурского языка имеет возможность отграничить актуальное от неактуального, ситуации, непосредственно относящиеся к его "здесь и сейчас", от ситуаций, такую связь утративших, либо никогда ее не имевших

Такая гипотеза, в частности, позволяет не только объяснить различия в приемлемости (29) и (30), но и учитывает прочие семантические и прагматические характеристики *ni*, обсуждавшиеся выше.

- 1 темпоральную референцию к прошлому
- 2 ретроспективную ТО
- 3 фактивность пропозиции

В частности, темпоральная референция к прошлому у высказываний с *ni* следует из того, что "мир фактов", "выключенных" из "текущего мира", представляет собой как раз множество ситуаций, имевших место в прошлом, далее, идея дистанции между двумя мирами предполагает наличие двух "пунктов", расположенных на разных ее концах, одним из которых по необходимости является ситуация коммуникации – так может выглядеть возможное объяснение механизма возникновения ретроспективной ТО. Наконец, фактивность пропозиции в контексте *ni* связана с тем, что *ni* обеспечивает не непосредственный, а опосредованный "доступ" к описываемым фактам, где опосредующей инстанцией являются знания говорящего

ni, если принять гипотезу о ее инвариантном значении, предложенную выше, оказывается, таким образом, языковым средством, которое функционирует как прагматический коннектор²⁷, связывающий ситуацию коммуникации со знаниями говорящего и сигнализирующий, что для правильной интерпретации высказывания темпоральные и модальные характеристики, задаваемые формой сказуемого, должны быть соответствующим образом скорректированы. *ni*, появляясь в дискурсе со- или противопоставляет "здесь и теперь" говорящего и "мир его знаний о мире". Соответственно, употребление *ni* регулируется в первую очередь факторами, ответственными за организацию дискурса, что, в свою очередь, предопределяет дистрибуцию *ni*, характерную для дискурсивных единиц, а не для грамматических категорий

²⁶ Достаточно интересная проблема, возникающая в связи с этой гипотезой, связана с широко обсуждавшимся противопоставлением факт vs событие (см., например, [Арутюнова 1988] и [Зализняк 1990]) В данном случае, говоря о понятии 'факт', мы не стремимся использовать его в узком, терминологическом значении

²⁷ Ср понятие коннектора, используемое Ж Фоконье [Fauconnier 1985 3–10] в его теории ментальных пространств"

3. *ji*: И СФЕРА ЛИЧНОГО ОПЫТА ГОВОРЯЩЕГО

3.1. Основные проблемы

ji, как и *ni*, вызывает у исследователя определенный соблазн квалифицировать его как средство, связанное с выражением значения прошедшего времени, ср. (34) со связкой $wo = d$ и (35) с *ji*:

(34) К. Х: Догоняйте нас, что вы там так долго копаетесь!. У:

mič'ax = da (-wo = d) ʃsi qačaxaγ-o=b.
темно=4-COP=4 мы спотыкаться. IPFV-COP=HPL

Темно, мы спотыкаемся!

(35) К: Мы с друзьями поехали в город. Когда мы приехали в город, солнце уже село.

mič'ax=da=ji, ek'=ba-ek'=ba ʃsi qačaxaγ-ji
темно=4=JI часто=HPL мы спотыкаться. IPFV-JI

Было темно, мы часто спотыкались.

В отличие от *ni*, однако, высказывания с *ji* могут описывать ситуацию в настоящем. Ср., например, (36):

(36) К: Х: Ты, я знаю, вчера вернулся из Микика. Как здоровье Магомед? У: Ты знаешь, дело плохо,

malhalmmad qek'a-ji
Магомед умирать-IPFV-JI

Магомед (, как я узнал,) умирает.

(36) показывает, что значение прошедшего времени, по крайней мере, не является обязательным для интерпретации высказываний с *ji*.

С другой стороны, исключительной особенностью *ji*, отсутствующей у *ni*, является то, что значительное число ее употреблений обнаруживает ограничение на первое лицо, демонстрируемое примерами (37)–(38):

(37) zi qa=r=inGla malhalmmad-e aġa aq-i-ji
я l=приходить-PF-когда Магомед-ERG дверь открывать-PFV-JI
Когда я пришел, (я обнаружил, что) Магомед дверь (уже) открыл.

(38) *malhalmmad qa=r=inGla zi aġa aq-i-ji
Магомед l=приходить-PF-когда я. ERG дверь открывать-PFV-JI
Когда Магомед пришел, (я обнаружил, что) я дверь (уже) открыл.

Правдоподобным объяснением такой дистрибуции *ji* выглядит соотнесение ее со значением заглазности (или "квотатива", или "информации из вторых рук")²⁸. Свойством маркеров заглазности является как раз их несовместимость с первым лицом, происходящая из того, что говорящий по определению не может получить информацию о ситуации, в которой участвовал он сам, "с чужих слов".

В примере (35) с *ji*, однако, присутствует первое лицо, но приемлемость предложения от этого не страдает. Ср. также (39), в котором все описываемые события излагаются от первого лица, но *ji*, тем не менее, в данном предложении вполне приемлемо:

²⁸Заглазность является одним из значений грамматической категории *эвиденциальности*. См., например, [Козинцева 1994:92–103] и [Wierzbicka 1994:81–137], где задается типологически релевантное исчисление эвиденциальных значений и обсуждаются возможности их толкования.

- (39) К: Говорящий рассказывает об увиденном сне. Во сне на него напал огромный медведь. – Он пошел было ко мне, но тут я закричал... и проснулся

dehe miča:l=d=in-i: waXt-o=b sooc-as-da w=uxa
уже утром=4=A=JI время-COP=3 встать-PT-A 3=быть. PF
Было уже утро, пора было встать.

Перед нами, таким образом, стоит задача сформулировать обобщения о семантике данной частицы, позволяющие учесть, во-первых, временную референцию высказываний с *ji* и, во-вторых, условия появления ограничений на первое лицо.

3.2. *ji* как маркер операции над знаниями

Попросив нашего информанта привести пример употребления *ji*, который кажется ему естественным и "типичным", мы получили (40):

- (40) К: Х: Ты не знаешь, чем занят Магомед? Y: Не знаю, сейчас пойду посмотрю... Y, вернувшись через некоторое время:

malhlammald aka aq-a-ji
Магомед дверь открывать-IPFV-JI
(Я обнаружил, что) Магомед дверь открывает.

(40) и другие аналогичные примеры позволяют предположить, что частица *ji* в высказывании указывает на изменение знаний говорящего о ситуации, составляющей пропозициональное содержание этого высказывания. Иначе, если частица *ji* появляется в контексте пропозиции *p*, это сигнализирует о том, что

1. ситуация *p* имела/имеет место в момент времени t_E
2. существует момент времени t_1 такой, что в t_1 имела место ситуация приобретения говорящим знания о *p*, причем t_1 предшествует моменту речи t_S .

Высказывания с *ji* информируют слушающего не только об описываемой ситуации, составляющей собственно пропозициональное содержание высказывания, но также о том, что имел место акт приобретения информации об этой ситуации. *ji*, как и *ni*, таким образом, обладает "рамочной" семантикой, в которую "вставляется" пропозициональный компонент высказывания, где рамка имеет вид "Я узнал (увидел, услышал, обнаружил), что *p*".

Эпистемический характер "рамочного" предиката подтверждается тем, что *ji*, как и *ni*, обнаруживает требование фактивности пропозиции и несовместимость с проблематической/гипотетической достоверностью. Пропозиция, помещенная в контекст *ji*, так же, как и в случае с *ni*, демонстрирует поведение, сходное с поведением пропозиций в сфере действия эпистемических предикатов пропозициональной установки. Ср., например, (40) и (41), в котором та же самая пропозиция вводится в контексте гипотетической модальности:

- (41) К: В: Ты не знаешь, чем занят Магомед? О: Сложно сказать,
*zi fikiramišexe-wo-ŋ malhlammald-e: aka aq-a-ji
я думать-IPFV-COP=1 Магомед-ERG дверь открывать-IPFV-JI
Я думаю, что Магомед дверь открывает.

Предположение о том, что при помощи *ji* в рассмотрение вводится не только описываемая ситуация, но и акт получения информации о ней, позволяет квали-

фицировать *ji* как маркер пространства личного опыта говорящего. Действительно, для любой ситуации *p*, которая совместима с *ji*, верно, что имел место акт приобретения говорящим знания о ней. Это означает, что множество всех *p* составляет те и только те ситуации, которые включены в мир непосредственного опыта говорящего, ситуации, сведения о которых он получил лично – в которых сам участвовал, о которых узнал в различных обстоятельствах своей жизни и т.д.

Это подтверждается, например, сомнительностью (42) при условии К

(42) Я хочу тебе рассказать о том, как мы жили при царе. В то время

⁷⁹ daRistanni-bi gurʒi-b-iš-k_oa dʒawʔa haʔ-a-ji w=ex-e-m-mi
 дагестанец-PL грузин-PL-OBLPL-COMIT война делать-IPFV-JI HPL=AUX-IPFV-A-PL
дагестанцы с грузинами (, оказываются,) (часто) воевали

(42) описывает ситуацию, удаленную во времени настолько, что опыт о ней по необходимости является достаточно опосредованным. Отдаленность во времени описываемых событий, выносящая их заведомо за пределы личного опыта говорящего, делает употребление *ji* при условии К сомнительным.

В аналогичных контекстах, когда в рассмотрение вводятся события, свидетелем и участником которых был говорящий, события, являющиеся частью "мира говорящего", *ji* вполне приемлемо. Ср. (43), коммуникативный контекст которого весьма напоминает К в (42), но в котором *ji* употребляется без затруднения.

(43) К В В каком году самая хорошая жизнь была, что тебе особенно запомнилось? О В 1958 году, помню, пошел я с овцами. В это время

olruš-bi=d ge=d miʔkam=da(-ji), jem-mi=d
 пастбище-PL=ASS NPL очень=NPL хороший=NPL-JI корм-PL=ASS 4
 siʔʔl=da=d usilenno=da-ji
 немного=NPL=ASS NPL усилен=ADV NPL-JI
пастбища очень хорошие были, корма еще более усилены были

Одним из условий употребления *ji* является, таким образом, временная близость либо описываемой ситуации, либо акта получения информации о ней, события, могущие быть описанными "в режиме JI", в общем случае ограничены сроком жизни говорящего.

Предложенная выше характеристика *ji* позволяет единообразно истолковать семантические эффекты, регулярно обнаруживаемые в содержащих эту частицу высказываниях, в частности, наиболее существенный из них – эффект потери контроля.

3.3 Знание и рефлексия эффект потери контроля

Сильным аргументом в пользу того, что в высказываниях с *ji* слушающему предъявляется не только описываемая ситуация, но и акт приобретения информации об этой ситуации, является продемонстрированное выше ограничение на первое лицо.

В высказываниях с *ji*, описывающих ситуации, в которых был задействован сам говорящий, возникает эффект "потери контроля", который состоит в том, что говорящий как бы наблюдает за своими действиями со стороны, либо узнает о них *ex postfacto*.

- (44) К Я упал, потерял сознание
 zɪ Gaʔɪŋx-i-nGɪa jɪz-dɪ hammaz-e haraɟ ha=w=ʔ-u-ɟɪ
 я падать-PFV-когда мой-A OBL товарищ-ERG крик 3=делать-PFV-JI
Когда я упал, мой товарищ (, как я потом узнал,) закричал
- (45) К Г просматривает видеозапись свадьбы – Как же мы напились!
 Ничего не помню! Смотри, а ведь
 zɪ xɪp-e -qa o=ŋ=kʼul-ɟɪ
 я вода-IN-ALL l=прыгать PFV-JI
 Я (, оказывается,) в воду прыгнул!
- (46) К Меня однажды тайком сняли на видеокамеру, а потом я посмотрел,
 что же там было
 zɪ alʝa -ɟɪ jɪʃ-dɪ sezed-l-e
 я идти IPFV-JI наш-A OBL площадь-SUP-EL
 Я (оказывается), шел по нашей площади

Точно так же, для в целом неприемлемого (38), приведенного выше, можно предложить контекст, делающий его употребление осмысленным

(47) К Странно, дверь почему-то закрыта А между тем, как я только что вспомнил, когда Магомед пришел, я эту дверь открыл

В нормальной ситуации субъект с неповрежденным сознанием воспринимает события, в которых он сам участвует, синхронно с их развертыванием, восприятие осуществляется как бы "автоматически", и, тем самым, эксплицитное указание на акт получения информации об этих событиях является избыточным, нарушая, в частности постулат релевантности Грайса ([Grice 1985]) Действительно, такое указание может быть релевантным в единственном случае – когда "автоматическое" восприятие не действует, и требуется специальный, независимый от описываемой ситуации акт получения информации о ней, что возможно при отсутствии у говорящего контроля над происходящим

Появление *ɟɪ* в высказываниях, где присутствует первое лицо, создает эффект того, что говорящий участвует в двух вполне самостоятельных ситуациях в собственно описываемой ситуации и в ситуации получения информации о ней – участие и восприятие, в "нормальном" случае осуществляющиеся параллельно, оказываются разнесены по различным ситуациям Соответственно, рефлексия говорящего оказывается в некоторый момент существующей отдельно от него самого, как это имеет место при потере сознания (44), опьянении (45)–(46), амнезии (47) и т д В этом случае действительно, ситуация, в которой участвует говорящий и получение информации о ней (из рассказа, видеозаписи или путем припоминания) осуществляются независимо друг от друга Другая возможность "наблюдать себя со стороны" может представиться воспринимающему субъекту, например, во сне

- (48) za-kʼle Xa-ma hamaXɪn pɟɟ Gaʒe zɪ jalaw qah-a-ɟɪ
 я OBL-AFF ночь-LAT такой сон видеть PFV я ERG костер жечь-IPFV-JI
Я ночью такой сон видел я костер жгу

3.4 Интерпретации высказываний с *ɟɪ*

Для интерпретации высказываний с *ɟɪ* существенными оказываются несколько различных параметров

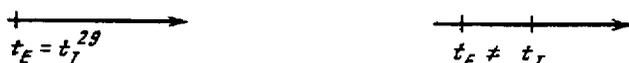
- 1 взаиморасположение момента t_E , в которые осуществляется описываемая ситуация и момента t_I , в который говорящему поступает информация об этом
 - 2 наличие/отсутствие доступных восприятию проявлений ситуации
 - 3 видо-временная характеристика описываемой ситуации
- Рассмотрим по порядку действие этих факторов

3.4.1. Положение момента получения информации t_I .

Гипотеза о том, что ji вводит в рассмотрение акт получения информации об описываемой ситуации, предполагает, что в значении высказываний с ji присутствуют два важных семантических компонента, связанных с

- (1) приобретением говорящим новых знаний и
- (2) последующим обладанием этими знаниями.

В конкретных высказываниях с ji эти компоненты могут иметь различный "удельный вес". Интерпретации таких высказываний распадаются на две основные группы, в зависимости от того, какой из указанных компонентов преобладает, причем преобладание одного из компонентов зависит от взаиморасположения момента события t_E и момента получения информации о событии t_I , как показано на схеме:

Возможны два способа взаиморасположения t_E и t_I :

1. t_E не синхронно t_I : говорящий узнает об описываемой ситуации *ex postfacto*, после ее осуществления.

2. t_E синхронно t_I : информация об описываемой ситуации поступает говорящему в режиме "on-line", по мере того, как она реально осуществляется. Условием возможности такой интерпретации является присутствие говорящего при разворачивании ситуации. Другим условием является наличие доступных восприятию проявлений ситуации.

Если t_I не синхронно t_E , то t_I разбивает отрезок времени между t_E и t_S на две части, в этом случае в значении высказываний с ji на первый план выдвигается изменение состояния знаний говорящего. Ср. (49)–(50):

- (49) К: (Друзья поехали в магазин в город. Один из них, Магомед, по дороге сломал ногу. Оставив Магомеда в доме, они отправились в магазин, а когда вернулись, обнаружили, что тот выздоровел.) Прошло много лет, и мы узнали, что
ma-halmmald-i-s	d-ik-i-n-ji	magazin-e:qa	uRik ^o -as
Магомед-OBL-DAT	NEG-хотеть.PFV-JI	магазин-IN-ALL	идти-PT
- Магомед (, оказывается,) не хотел идти в магазин*
Правый К: и поэтому притворился, что сломал ногу.
- (50) К: У меня пропала курица. Я допросил соседского мальчика
gad-e	k'at'e	qlo=p=qI-u-ji	
мальчик-ERG	курица	3=красть-PFV-JI	
- (Оказалось,) мальчик курицу украл.*

И (49), и (50) интерпретируются в "несинхронном" режиме: информация о ситуациях "Магомед не хотел идти в магазин и притворился..." и "Мальчик курицу украл" поступает говорящему после того, как эти ситуации реально осуществились. При этом существенным компонентом данных высказываний является указание не только на собственно их пропозициональное содержание, но и на важность попадания этого содержания в фонд знаний говорящего (в первом случае разъясняются странные события, являющиеся предметом повествования, во втором – пропаша курицы). Появление ji в (49) – (50) связано, таким образом, прежде всего с актом получения информации об описываемой ситуации и происходящим при этом изменением состояния знаний.

²⁹ Знаки "=" и "≠" здесь и далее используются в значении "синхронно" и "несинхронно" соответственно.

Если t_E синхронно t_I , то говорящий располагает информацией о ситуации на всем временном интервале от t_E до t_S . В этом случае в значении высказываний с ji на первый план выдвигается не столько изменение знаний, сколько – результат этого изменения, т.е. возникший благодаря ему опыт говорящего. Ср., например, (43), а также (51)

- (51) K: В пятидесятые годы все было не так, как теперь, в колхозе порядок был,
 ge:=d miŋʔkam=da-ji.
 очень=4 крепкий=ADV.4-JI
 Очень крепкий был (закон).

В (51), как и в (43), ситуация приобретения информации отодвигается на второй план; ji в данном случае указывает скорее на наличие у говорящего опыта жизни при крепком законе, чем на обстоятельства получения этого опыта.

Возвращаясь к примеру (42), мы получаем возможность объяснить его неприемлемость при условии K. Действительно, K предполагает, что знание о войне дагестанцев с грузинами является частью постоянного фонда знаний говорящего ("я знаю о том, что было в то время, и хочу тебе рассказать"). С другой стороны, "царское время" находится за пределами личного опыта говорящего; интерпретация в режиме " t_E синхронно t_I " по этой причине невозможна, а контекст не предполагает также уместность интерпретации " t_E несинхронно t_I ". Последняя интерпретация, однако, делается доступной в контексте K', в котором релевантным оказывается не обладание личным опытом определенных исторических событий, а факт "апостериорного" приобретения этого опыта³⁰:

- (52) K': Я всегда думал, что мы с грузинами жили мирно. Но, представляешь, при царе дагестанцы с грузинами (, оказывается,) (часто) воевали.

Правый K₂: Я об этом прочитал вчера в книжке.

Возможности выбора одной из двух названных интерпретаций являются достаточно подвижными. Рассмотрим, например, предложения (53)–(54), составляющие, наряду с (51), фрагмент одного из текстов, в котором повествуется о жизни в колхозе в 50-е годы:

- (53) ma:nʃke k'alXoz-i-qa=b wo=b-i q'ol=b=le birgada,
 тогда колхоз-OBL-POSS=3 COP=3-JI два=3-CARD бригада
 sa Xosulsu dawar-i=b deš-i ɕe: ʔa=b.
 один частный овца-ASS=3 NEG-JI там внутри=3
 Тогда в колхозе было две бригады, ни одной частной овцы не было там (в бригадах) внутри.
- (54) sadʒi qla:-wu iwh-o-jnGla ɕekilimĩš
 председатель идт.IPFV-COMP говорить-PFV-когда робкий
 w=oxe-ji, Xe=ɣ – k'in-na ɕekilmiš ejxe-ji.
 HPL-AUX.IPFV-JI большой=1 – маленький-A робкий AUX.IPFV-JI

³⁰Заметим, что при "несинхронной" интерпретации высказываний с ji коррекция знаний говорящего тесно связана с коррекцией его ожиданий (ср. русское *оказывается*), нередко вызывает появление адмиративного эффекта. Ср., например, (i)

- (i) K: Я всегда считал Махмуда никудышным охотником. А вчера я Махмуда в лесу случайно встретил, а он медведя разделявает.

maxmud-e sʒo gi=w-k'-u-ji
 Махмуд-EGR медведь 3=убивать-PFV-JI

(Надо же,) Махмуд (-то, оказывается,) медведя убил!

В данном тексте говорящий рассказывает о событиях на основе собственного опыта из предшествующего контекста известно, что в то время, о котором идет речь, он жил в селении и работал в овцеводческой бригаде, тем самым, адекватной интерпретацией (53)–(54) является "t_E синхронно t_I"

Вне контекста, однако, эти же предложения могут интерпретироваться в режиме "t_E не синхронно t_I" Некоторые информанты, которым было предложено прокомментировать эти предложения, изъятые из контекста, предположили как раз, что говорящий ни в одной из бригад сам не работал убедиться в отсутствии частных овец возможности не имел "Рассказчик не сам в то время здесь не был, а потом откуда-то узнал"

Таким образом, интерпретации "t_E синхронно t_I" vs "t_E несинхронно t_I" являются не просто различными, но по одному параметру даже антонимичными Этим параметром является присутствие говорящего при описываемой ситуации Действительно, как показывают, в частности, (53)–(54), "синхронный" режим предполагает, что говорящий является свидетелем описываемой ситуации, точно также "несинхронный" режим, предполагающий, что t_I и t_E отделены друг от друга некоторым временным интервалом, означает, что в t_I непосредственное наблюдение ситуации уже невозможны, и информация о ней заведомо является информацией "из вторых рук". В результате мы имеем диаметрально противоположные оценки информантов условий употребления предложений с *ji* ("Это предложение означает, что рассказчик сам там был" vs "Это предложение означает, что рассказчик сам там не был, а от кого-то узнал")

Несмотря на то, достаточно часто обе интерпретации часто являются доступными одновременно, имеется ряд факторов, влияющих на их сравнительную предпочтительность и понижающих (в предельном случае – до нуля) вероятность одной из них

Так, интерпретация "t_E синхронно t_I" недоступна, если описываемая ситуация имеет нулевые / слабые внешние проявления

Действительно, если речь идет, например, о перфективной ситуации, описываемой глаголом в совершенном виде, то при интерпретации "t_E синхронно t_I" в момент t_I должны наличествовать по меньшей мере видимые результаты ее осуществления, как это имеет место, например, в (55)

- (55) *ʃi* *ʃalhar-e -qa* *hi=p-xiŋ-inGla,* *WeriR* *č oč u-ji*
мы город-IN-ALL HPL-приехать PFV-когда солнце сесть-PFV JI
Когда мы приехали в город, солнце уже село

Описываемая ситуация ("солнце село") имеет хорошо определенное результирующее состояние, доступное наблюдению ("темно", "сумерки"), в точке отсчета ('когда мы приехали в город'), это состояние имело место и было зафиксировано повествователем

Если речь идет об имперфективной (описываемой формой несовершенного вида) или стативной ситуации, то интерпретация "t_E синхронно t_I" предполагает, что в t_I она проходит одну из последовательных фаз своего осуществления/состояния и при этом обнаруживает доступные восприятию внешние проявления

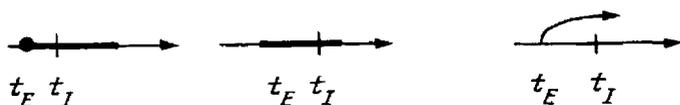
- (56) **К** Я велел Али караулить моих овец и внимательно посмотреть вокруг, а сам пошел косить сено Однако,
zi *qa=t-i-juGla* *alli* *Gijsan-i*
я I=приходить-PFV-когда Али засыпать IPFV-JI
когда я вернулся (я обнаружил, что) Али засыпает

Как и в случае (55) с глаголом в аористе, (56) описывает ситуацию "Али засыпает", явно проявляющуюся внешне, соответственно, говорящий / повествователь имеет возможность получить информацию о ней в самый момент ее осуществления. Отличие (55) от (56) состоит в том, что в первом случае синхронным t_I является не осуществление ситуации, а скорее, ее результирующее состояние, во втором же случае объектом наблюдения является именно сама ситуация, проходящая в t_I одну из своих фаз

Формы потенциализа в контексте ji приобретают, как и в случае с ni , проспективную интерпретацию, обычным проявлением которой для динамических контролируемых глаголов является указание на намерения агенса. В том случае, если намерения имеют какие-либо внешние проявления, интерпретация в "синхронном режиме" также оказывается возможной.

- (57) К Когда я проходил по берегу реки,
 gade ok'al-as-J xip-e-qa
 мальчик прыгать-PT-JI вода-IN-ALL
 (я обнаружил что) мальчик собирается прыгнуть в воду

Взаиморасположение t_E и t_I в (55)–(57) может быть представлено следующим образом

Совершенно иначе обстоит дело в случае, если глагол, помещенный в контекст ji , описывает ситуацию, имеющую слабые внешние проявления, например, если глагол относится к разряду эпистемических, волитивных, эмоциональных и т.п.

- (58) К Я вернулся поздно, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить старшего брата Магомеда. Однако,
 z1 qa=ɾ-i-jnGla malhlammad-i-k'le Gaɟx-t-JI
 I=приходить-PFV-когда Магомед-OBL-AFF слышать-PFV-JI
 1 когда я пришел Магомед (как потом оказалось) (это) услышал
 2 ? когда я пришел (я обнаружил, что) Магомед (это) услышал

Ситуации типа "Магомед услышал, что ..." представляют собой внутреннее состояние экспериенсера, соответственно возможности непосредственно наблюдать такие ситуации, являются по необходимости весьма ограниченными. Наиболее естественной интерпретацией высказывания с ji является та, которая предполагает, что информация об этой ситуации сделалась достоянием рассказчика существенно позже, т.е. несинхронно самой ситуации (Например, Магомед наутро пожаловался матери на поздний приход рассказчика, а та его отругала). Интерпретация в режиме " t_E синхронно t_I " оказывается существенно менее предпочтительной, хотя она также доступна в том случае, если ситуация "Магомед услышал, что ..." имеет некоторые вторичные проявления (например, услышав шум, производимый рассказчиком, Магомед пошевелился).

3.4.2 Точка отсчета и временная референция

Если для высказываний с ni доступной является единственное – ретроспективное – положение ТО, то возможности ji в этом отношении оказываются существенно шире и, как результат, шире оказывается диапазон допустимых интерпретаций. Кроме ретроспективной ТО, ji совместимо с синхронной ТО в прошлом и синхронной ТО в настоящем.

Примеры (59)–(61) демонстрируют две различные возможности фиксации ТО в комбинации с "синхронным" vs. "несинхронным" расположением t_1 . Так, рассмотрим (59):

- (59) К: Неделю назад я встретил Магомеда, который мирно беседовал с Али. А сегодня я встретил Али с синяком. Представляешь,
 malhlammald-e: manke alli-j-s iXl-i-ji
 Магомед-ERG тогда Али-OBL-DAT бить-PFV-II
Магомед, оказывается, Али тогда побил.

Данное предложение характеризуется наличием ретроспективной ТО (t_R), совпадающей с моментом речи. Об этом, в частности, свидетельствует дейктическое наречие *manke* 'тогда', которое указывает на момент времени "неделю назад", противопоставляя его моменту речи ("сейчас"). *manke* в данном случае сигнализирует о том, что говорящий "смотрит" на ситуацию ретроспективно, из координат речевого акта. Далее, t_E в данном случае несинхронно t_1 : ситуация "Магомед побил Али" и поступление информации о ней разнесены во времени.

Ср. (60):

- (60) К: Шел я сейчас мимо школы, а там стоит большая толпа. Знаешь, что там случилось?
 ma: malhlammald-e: alli-j-s iXl-i-ji
 там Магомед-ERG Али-OBL-DAT бить-PFV-II
Там Магомед (,как я обнаружил,) Али побил.

В данном предложении ТО вновь ретроспективная (дейктическое наречие *ma*: 'там' противопоставляет пространственные координаты участников коммуникации координате "возле школы", что сигнализирует о том, что описываемая ситуация рассматривается с точки зрения положения говорящего в момент акта коммуникации). Основное отличие (60) от (59) состоит в том, что в данном случае наиболее естественной является интерпретация " t_E синхронно t_1 ": говорящий подошел к школе, обнаружил результаты драки и отправился рассказывать слушающему обо всем увиденном.

С другой стороны, ср. (61):

- (61) К: Мне рассказали, что Магомед и Али собираются драться во дворе школы. Я сразу же пошел туда, но по дороге задержался и опоздал:
 zi qa=r=i-jn-Gla (?ma:) malhlammald-e: alli-j-s iXl-i-ji
 я l=приходить-PFV-A-когда (там) Магомед-ERG Али-OBL-DAT бить-PFV-II
Когда я пришел, (я обнаружил, что) Магомед Али (уже) побил.

В (61), в отличие от (59)–(60), ТО является не ретроспективной, а с и н х р о н н о й: повествователь вводит описываемую ситуацию ("Магомед Али побил") в рассмотрение не из координат речевого акта, а из координат текущего времени повествования; временная позиция наблюдателя расположена внутри последовательности описываемых событий, в данном случае она совпадает с моментом осуществления ситуации "я пришел", вводимой временным придаточным. Ср. заметно меньшую приемлемость наречия *ma*: 'там' в (61) по сравнению с (60).

Заметим, что интерпретация в "несинхронном" режиме возможна только при ретроспективной ТО. Действительно, в этом случае временная позиция говорящего/повествователя (=точка отсчета t_R) и t_E разделены определенным временным интервалом; внутри этого интервала может, в частности, размещаться момент t_1 , отличный от t_E , как это имеет место в (59). В (61) t_R не ретроспективна, а синхронна описываемым

событиям и по необходимости синхронной оказывается также t_I : все три точки t_E , t_I и t_R "сжимаются" в одну.

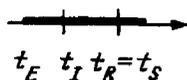
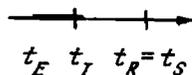
Весьма показательным в этой связи ограничение на употребление ji в нарративном дискурсе. Это ограничение требует присутствия в нарративном тексте диегетического (принадлежащего миру текста) повествователя. В текстах с экзегетическим повествователем ji не зафиксирована ни разу. Объяснение такого ограничения достаточно легко найти, если принять во внимание, что в этом типе дискурса временная позиция наблюдателя локализована внутри нарративной последовательности, т.е. с необходимостью синхронна (см. обсуждение в 2.2). Поскольку из этого следует, что единственной возможной в такой ситуации является интерпретация " t_E синхронно t_I ", делается очевидной необходимость присутствия субъекта речи при описываемых событиях, что равносильно требованию диегетического повествователя.

3.4.3. Синхронная точка отсчета в настоящем.

Высказывания с ji совместимы не только с ретроспективной и синхронной ТО в прошлом, но также с синхронной ТО в настоящем, что проявляется, в частности, в неоднозначности темпоральной референции этих высказываний. Рассмотрим (62), которое допускает две различные интерпретации:

- (62) K_1 : X: Ты вчера купил сигареты? Y: Я вчера ходил в магазин.
 K_2 : X: Давай сходим за сигаретами. Y: Я только что в магазин ходил.
magazin-e: papriz-bi deš-i:
магазин-IN.ESS сигарета-PL NEG-JI
1. В магазине сигарет (, как я обнаружил,) не было.
2. В магазине сигарет (, как я обнаружил,) нет.

ТО в K_1 и K_2 совпадает с моментом речи. Однако, если при условии K_1 описываемая ситуация рассматривается р е т р о с п е к т и в н о, как релевантная для некоторого момента в прошлом без указаний на ее релевантность в момент речи, то при K_2 , напротив, утверждается, что ситуация имеет место с и н х р о н н о моменту речи, как представлено на диаграммах:

В обоих случаях основная семантическая характеристика ji , а именно, указание на момент получения информации t_I , предшествующий моменту речи t_S , сохраняется: и (62.1), и (62.2) предполагают, что момент, в который говорящий узнал об отсутствии сигарет в магазине, расположен в прошлом. Различие данных интерпретаций порождается контекстом: в K_1 предложение выступает как ответ на запрос относительно ситуации в прошлом, в K_2 оно содержит утверждение о текущем положении дел³¹. Интерпретация (62.2), кроме того, предполагает, что на интервале от t_I до t_S описываемая ситуация, по мнению говорящего, не претерпела качественных изменений: это дает возможность утверждать истинность пропозиции в t_S на основании опыта, полученного в t_I .

Условием появления интерпретаций с синхронной ТО в настоящем является протяженность описываемой ситуации во времени, достаточная, чтобы на том ее участке, который предшествует t_S , мог разместиться момент t_I . Соответственно, интерпретации такого типа возможны для стативных глаголов, а также для стальных и имперфективных форм динамических глаголов.

³¹Ср. также (36), интерпретация которого аналогична (62.2).

Так, (63), вводящий в рассмотрение динамическую развивающуюся ситуацию, описываемую формой презенса, демонстрирует диапазон возможностей, аналогичный (62):

- (63) K₁: В: Чем сейчас занят Магомед? О: Сейчас пойду посмотрю... (вернувшись):
 K₂: Чем был вчера занят Магомед? О: Когда я вчера к нему заходил
 malhammad-e: aka-ji aq-a
 Магомед-ERG дверь-JI открывать-IPFV
 Магомед (, я видел,) дверь открывает
 Магомед (, я видел,) дверь открывал

Ср. также (64) со стательной формой результата³²:

- (64) K₁: Посмотри пожалуйста, можем ли мы войти в школу. О (Г уходит и возвращается):
 K₂: Как ты вчера попал в школу – ведь было воскресенье? О:
 aka aq-i-ji wo=d
 дверь открывать-PFV-JI COP=4
 Дверь (, как я обнаружил,) открыта
 Дверь (, как я обнаружил,) была открыта

Форма потенциалиса в контексте *ji* указывает на положение дел, способствующее осуществлению описываемой ситуации. Такое положение дел само по себе истолковывается как стативное и, соответственно, предложения с потенциалисом допускают диапазон интерпретаций, аналогичный зафиксированному в (62)–(64):

- (65) K₁: Раньше, помню, Магомед и Али очень дружили. А сегодня я услышал, что
 K₂: Вчера пришел я в школу, а весь мой класс во дворе стоит, все шумят, кричат. Я подошел посмотреть, в чем дело.
 malhlammald-e: alli-j-s iXI-as-ji
 Магомед-ERG Али-OBL-DAT бить-PT-JI
 Магомед Али (, оказывается), собирается побить
 Магомед Али (, оказывается), собирался побить

Рассмотренные выше примеры показывают, что высказывания с *ji* неоднозначны с точки зрения своей временной референции; в их интерпретации не участвует такая темпоральная координата, как момент речи. Это явление можно охарактеризовать как эффект подавления собственной временной характеристики глагольной формы. Действительно, в независимом (в отсутствии *ji*) употреблении как связки *wo=d/deš*, так и формы презенса, перфекта и потенциалиса, обладают, как обсуждалось выше, собственной временной характеристикой: первые три связаны с настоящим, последняя, в большинстве случаев, с будущим временем.

В контексте *ji*, однако, временная референция высказываний с *ji* устанавливается исходя из положения ТО, а не собственных характеристик глагольных форм, помещенных в контекст *ji*. Положение ТО, в свою очередь, определяется не на уровне грамматических категорий глагола, а скорее, на уровне структуры релевантного отрезка дискурса в целом, функционирования системы дейктических элементов на

³²В цахурском языке результатив совмещен с перфектом, см. подробнее [Кибрик ред. (в печати)].

этом отрезке, режима интерпретации (нарративного vs. речевого) и т.д. *ji*, таким образом единицей, передает управление выбором темпоральной референции от глагольной формы "макрохарактеристикам" дискурса.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предшествующих разделах мы стремились показать, что семантические свойства и дистрибуция хотя *ji* и *ni* и образуют достаточно неожиданные и, отчасти, причудливые сочетания признаков различных грамматических и семантических категорий, такая "причужденность" сводима к достаточно отчетливым инвариантным характеристикам. В самом общем виде эти характеристики можно представить следующим образом:

ji описывает ситуацию как "включенную" в личный опыт говорящего, с возможным акцентом либо на факте приобретения, либо на факте обладания этим опытом.

ni описывает ситуацию как "выключенную" из текущего мира говорящего.

Значения *ni* и *ji* несводимы друг к другу: эти частицы описывают пропозиции, находящиеся в сфере их действия, по различным и даже, в известном смысле, противоположным основаниям – действительно, *ji* характеризует ситуацию положительно, *ni* – отрицательно³³. Можно, тем не менее, указать семантическое "ядро", общее для обеих частиц – это наличие в семантике высказываний с *ji* и *ni* рамочного компонента со значением 'знать'.

В этой связи возникают вопросы, во-первых, о "типологической нише" данного явления и, во-вторых, о его категориальной идентификации, кратким обсуждением которых мы завершаем настоящую статью.

В языках СЕС "пространство говорящего" представлено в дискурсе по преимуществу лексическими единицами – в различных терминах "вводными", "модальными", "дискурсивными"³⁴ словами. Особенностью цахурского языка, не имеющей прямых типологических аналогов в СЕС, является возможность отсылки к сфере эпистемических значений, "встроенная" в м о р ф о с и н т а к с и с , и, более того, являющаяся "ядерной" скорее, чем "периферийной" характеристикой последнего.

Заметим, что наличие единиц типа *ji* и *ni* представляется весьма характерным именно для цахурского языка, в котором значительная часть морфосинтаксических средств ориентирована на коммуникативные потребности носителей: морфосинтаксис цахурского языка в этом отношении является более "эгоцентричным", чем, например, русского. Так, по преимуществу коммуникативно-прагматическую мотивацию обнаруживает выбор атрибутивной/неатрибутивной глагольной формы, а также значительное число синтаксических явлений, как, например, выбор анафорических единиц или стратегий оформления сентенциальных актантов; "нестандартно" большим является инвентарь средств, используемых для коммуникативного выделения (см. подробнее [Кибрик (ред.) в печати]).

Некоторые типологические наблюдения о возможных межъязыковых параллелях описываемого явления в других языках все же представляются уместными.

С одной стороны, в родственных языках лезгинской подгруппы восточно-севернокавказских языков имеются явления, весьма "подозрительные" в отношении возможного сходства с цахурскими *ji* и *ni*. Ср., например, приводимые А.А. Магометовым [Магометов 1965:254] данные о системе глагольных форм табасаранского

³³ По этой причине, не запрещено в принципе одновременное появление *ji* и *ni* в составе высказывания, пример и обсуждение см. в [Кибрик (ред.) в печати].

³⁴ См., например, [Кобозева 1991], где содержится подробный обзор частиц различных классов и подходов к их изучению, а также [Баранов, Рахилина, Плунгян 1993], посвященное русским дискурсивным словам и возможностям их толкования.

языка, образованных от деепричастия "длительного вида", или "настоящего времени", на *di*:

	+wu (COP1)	→ настоящее общее
Деепричастие на	+ʔa (COP2)	→ настоящее конкретное
- <i>di</i>		
	+wu- <i>ji</i>	→ прошедшее несовершенное
	+ʔa- <i>ji</i>	→ определенное прошедшее несовершенное

Маркер *ji* в табасаранском языке, как видно из этой схемы, обнаруживает не только фонетическое сходство с цахурским *ji*, но также, по крайней мере, поверхностно, напоминает его функциональные характеристики, а именно, способность изменять темпоральную референцию глагольных форм. К сожалению, имеющийся табасаранский материал недостаточен, чтобы определить степень грамматикализации маркера *ji* и установить, насколько его употребление связано с грамматическими и насколько – с прагматическими и коммуникативными обстоятельствами. Вполне возможно, например, что отвергнутая выше гипотеза о цахурском *ji* как показателе граммы прошедшего времени верна для табасаранского *ji*. Ср. также маркер *-j* в лезгинском языке, используемый для образования "копулы (связки) прошедшего времени" *awa-j* [Haspelmath 1993: 136–137].

С другой стороны, в генетически удаленном тибетском языке имеется явление, которое явственно перекликается с цахурскими маркерами эпистемического статуса. [DeLancey 1986] описывает различие между тибетскими глаголами-связками *yin* vs. *red* 'быть' и *jod* vs. '*dug* 'иметь'. *yin* и *yod* противопоставлены *red* и '*dug* тем, что вторые, в отличие от первых, указывают на "относительную новизну (знаний об описываемой ситуации – Т.М., С.Т.) или степень, в которой они были интегрированы в общую схему знаний говорящего о мире" [DeLancey 1986:205]. Нетрудно заметить, что данная характеристика в значительной степени напоминает обсуждавшиеся выше свойства цахурской частицы *ji*.

Трудности с разрешением проблемы категориальной идентификации и обнаруженного в цахурском языке явления имеют, как представляется, некоторые общетеоретические последствия.

Действительно, как мы стремились показать, *ji* и *ni* не являются маркерами категорий времени и наклонения. Более сложно определить позицию *ji* и *ni* по отношению к категории эвиденциальности. С одной стороны, наиболее распространенное понимание этой категории как "области рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений" говорящего об описываемой ситуации [Козинцева 1994:92] (именно этому пониманию мы следовали в предшествующей части статьи) не позволяет квалифицировать *ji* и *ni* как маркеры граммы этой категории. С другой стороны, под эвиденциальными могут пониматься любые средства языкового кодирования эпистемических значений – подход, в значительной степени принятый, например, авторами сборника [Chafe, Nichols 1986]³⁵. В рамках такого подхода цахурские *ji* и *ni*, как и тибетские глаголы-связки, указывающие не на источник знаний об описываемой ситуации, а, скорее, на некоторый в ы д е л е н н ы й с т а т у с этого знания, можно охарактеризовать как показатели эвиденциальности.

Вопрос о подходящем категориальном ярлыке для некоторого языкового явления имеет, однако, скорее конвенциональный, чем содержательный характер – действительно, исследователи всегда могут принять определенное соглашение о том,

³⁵Широкое понимание эвиденциальности, заметим, не избавлено от проблем. Требуются, например, специальные усилия, чтобы отграничить эвиденциальность "в широком смысле" от модальности, особенно от группы значений эпистемической модальности. См., в частности [Willett 1988:52–56], где обстоятельно обсуждаются существующие в лингвистической теории подходы к определению эвиденциальности.

какими ярлыками они пользуются и каким языковым объектам соответствует тот или иной ярлык. С содержательной точки зрения здесь существенно другое. Трудности с подбором ярлыка сигнализируют, как правило, о наличии проблемы адекватности модели исследуемого явления.

В самом деле, цахурские *ji* и *ni* обладают кластерами признаков, присущих различным категориям – времени, модальности, эвиденциальности в широком понимании – но при этом неверно утверждать ни то, что данные частицы являются маркерами какой-либо одной из этих категорий, ни то, что они выражают значения "склеенных" грамем. Имеются, далее, очевидные основания для сближения *ji* и *ni* с группой категорий, выражающих отношение речевого акта и говорящего, в частности, с категорией *д и с к у р с и в н о с т и*, как ее понимает И.А. Мельчук (в печати)³⁶.

ji и *ni*, таким образом, плохо укладываются в жесткие рамки описания, основанного на "классической" структуралистской идеологии, предполагающей, что утверждение вида "а является членом категории α " всегда имеет определенное истинностное значение из области $\{0,1\}$. Более адекватной в данном случае оказывается модель, оперирующая не четкими категориями, которая допускает возможность того, что истинностное значение подобного утверждения не равно в точности ни 0, ни 1, а, скорее, располагается в интервале между ними. Такая модель³⁷, предполагающая не дискретную организацию грамматических значений в категориальном континууме "...-время-наклонение-модальность-эвиденциальность-..." технически более сложна, но, как представляется, она обеспечивает возможность доступа к явлениям, подобным цахурским частицам *ji* и *ni*, на более высоком уровне адекватности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1988 – Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Бондарко А.В. 1996 – Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб, 1996.
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гулыга О. 1973 – Глагольная система цахурского языка. Рукопись. М., 1973.
- Зализняк А.А. 1988 – О понятии имплицативного типа // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Зализняк А.А. 1990 – О понятии "факт" в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Ибрагимов Г.Х. 1990 – Цахурский язык. М., 1990.
- Кибрик А.Е. (ред.) в печати – Элементы цахурского языка в типологическом освещении.
- Кобозева И.М. 1991 – Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991.
- Козинцева Н.А. 1994 – Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
- Магометов А.А. 1965 – Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Мельчук И.А. (в печати) – Курс общей морфологии.
- Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. М., 1996.
- Паршин П.Б. 1996 – Теоретические перевороты и методологический мятёж в лингвистике XX века. // ВЯ. 1996. № 2.
- ТФГ 1991 – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1991.
- Bybee J. 1985 – Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Chafe W., Nichols J. (eds.) 1986 – Evidentiality: The Linguistic coding of epistemology. Ablex, Norwood, 1986.
- Comrie B. 1976 – Aspect. Cambridge, 1976.
- Comrie B. 1985 – Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl Ö. 1985. – Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- DeLancy S. 1986. – Evidentiality and volitionality in Tibetan // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Edited by W. Chafe, J. Nichols, Ablex (Norwood), 1986.

³⁶И.А. Мельчук дает этой категории следующее определение: "Категорией дискурсивности называется такая категория, элементы которой характеризуют роль данного высказывания в дискурсе". Мельчук, в частности, обсуждает данные языка явапай, в котором эта категория принимает значения "частная констатация", "общая констатация" и "не-констатация".

³⁷См., в частности, [Dahl 1985:1–35], где подробно обсуждается модель "нечетких" грамматических категорий и ее эмпирические возможности.

- Fauconnier J* 1985 – Mental spaces. MIT Press, 1985.
- Fleischman S* 1991 – Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse // The function of tense in texts / Ed by J Gvozdanović, A J M Janssen, Ö Dahl Amsterdam, 1991
- Grice H P* 1975 – Logic and conversation // Speech Acts Syntax and Semantics 3 / Ed by P Cole, J Morgan New York, 1975
- Haspelmath M* 1993 – Lezgian grammar Berlin, 1993
- Hopper P J* (ed) 1982 – Tense-aspect. between semantics and pragmatics Amsterdam, 1982
- Labov W* 1977 – Language in the inner city studies in the Black English vernacular Oxford, 1977
- Reichenbach H* 1947 – Elements of symbolic logic N Y , 1947
- Starostin S , Nikolajev S* 1995 – Ethymological dictionary of North Caucasian languages Moscow, 1995
- Wierzbicka A* 1994 – Semantics and epistemology The meaning of 'evidentials' in a cross linguistic perspective // Language sciences 16. № 1. 1994
- Willett T* 1988 – A cross-linguistic survey of grammaticization evidentiality // Studies in Language 12 № 1 1988